

Евангелие и Четвороевангелие.

Греческое слово «Евангелион» (Εὐαγγέλιον) имело в Древней Греции несколько значений.

1. Плата за добрую радостную весть о чем-либо;
2. Жертвы за получение благой вести;
3. Сама добрая весть («благая весть» от εὖ — «добро, благо» и ἀγγελία — «весть, известие»).

В Новозаветное время слово «Евангелион» имело еще несколько значений:

4. Радостная весть об исполнении ветхозаветных обетований о Мессии;
5. Проповедь Иисуса Христа;
6. Проповедь апостолов об Иисусе Христе (в основном – устная проповедь);
7. Письменные записи о проповеди Христа или о Его земной жизни.

Вполне возможно, что слово «евангелион» применительно к письменным апостольским повествованиям о жизни Иисуса Христа появилось еще во времена самих апостолов, то есть в I веке. Святой Иоанн Златоуст говорит, что «книгу свою Матфей справедливо назвал Евангелием».

Надписания с именами писателей наших Евангелий - например, «Евангелие от Матфея» («Εὐαγγέλιον κατὰ Ματθαίου» или «Ματθαίου»), скорее всего, появились очень давно. По крайней мере, во II веке, когда евангелия стали собирать в один общий состав, и необходимо было отличать одно евангелие от другого, эти надписания уже присутствуют. Реальной датой появления надписаний следует признать начало II века, одно-два десятилетия после написания четвертого Евангелия, от Иоанна. Греческий предлог «ката» (κατά) означает «согласно», «в соответствии с...», «по», «от», - то есть «по вере» данного апостола, «по Писаниям». Древняя, знаменитая «История Геродота» (V век до Р.Х.) в свое время была озаглавлена точно также с предлогом «ката», – «История по Геродоту». «Евангелие по Матфею», «по Марку» и так далее, означают, что Матфей, Марк, Лука, Иоанн написали не свое евангелие, а «благую весть» Иисуса Христа, но словами апостола.

В прологе нашего третьего Евангелия, Евангелия от Луки, сам Лука указывает на то, что уже во времена апостолов появилось множество евангелий, много исторических записей о жизни и учении Христа («Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова», Лук.1.1-2). С началом второго века число апокрифических, позже не признанных церковью богодухновенными,

евангелий ещё больше увеличивается. Уже святой Ириной Лионский (+202) констатирует признание церковью только четырёх евангелий. Ориген (+254) пишет о евангелиях: «О четырёх евангелиях я узнал из предания, что только они одни приемлются без всякого противоречия во всей церкви Божией поднебесной, именно Евангелия Матфея, Марка, Луки и Иоанна». Остается, правда, вопрос – почему именно четыре евангелия, не меньше и не больше?

Святой Иоанн Златоуст (+407) рассуждал, что евангелие мог написать и один человек, но, когда писали четверо и писали не в одно и то же время, не в одном и том же месте, не сговариваясь между собой, и написали так, что как будто одними устами произнесено было, - всё это служит сильнейшим доказательством истины, а, имеющиеся между ними разночтения относительно времени, места и самих слов, не являются принципиальными разногласиями. Отсутствие этих принципиальных разногласий говорит только в пользу этих евангелий в пользу высокой степени их точности и истинности. Ириной Лионский углубился в своих рассуждениях в значение четверичного числа Евангелий, принятых церковью: «Невозможно, чтобы Евангелий было числом больше, или меньше, чем их есть. Ибо так как четыре страны (стороны) света, в котором мы живем, и четыре главных ветра, и так как Церковь рассеяна по всей земле, а столп и утверждение церкви есть Евангелие и Дух жизни, то надлежит ей иметь четыре столпа...». Другими словами, Ириной Лионский указывает на всеобщность назначения Евангелия для всех стран и народов, то есть для всей экумены. Четыре Евангелия всесторонне и в полноте раскрывают суть благовестия Иисуса Христа. Четыре Евангелия, также, являются твёрдым и непоколебимым основанием Вселенской церкви.

Другие, еще в древности считали, что четыре Евангелия указывают на четыре свойства, в каких Бог открывается как человек, как царь, как ходатай и как Бог. Находили ссылки на пророка Иезекииля (Книга Иезекииля, 1 глава: четыре явления – бурный ветер, облако, клубящийся огонь и сияние; явление четырех херувимов с лицами человека, льва, тельца и орла). От толкования пророка Иезекииля происходила и символика четырех евангелистов: Матфея – человек, Марка – лев, Луки – телец (или вол) и Иоанна – орел. Правда, блаженный Иероним Стридонский (+420) объяснял, что символ евангелиста Матфея человек происходит от самого Евангелия – в его начале приводится родословная Иисуса Христа. Символ человека подчеркивает человечность самого Христа. Символ Евангелия от Марка лев показывает то, что в начале Евангелия говорится о проповеди Иоанна Крестителя в пустыне, где царствовал тогда лев. Символ Евангелия от Луки телец (вол) указывает на то, что это Евангелие начинается повествованием о служении священника Захарии, в обязанности которого входило принесение жертвы. Наконец, знак четвертого Евангелия орел показывает попечение Бога о своем народе (орел был в древности символом заботы о потомстве, например – «как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих», Втор.32.11) или символизирует Святой Дух.

Также в древности объясняли наличие символов у четырех евангелий проявлением четырех древних заветов – считалось, что Господь заключил четыре завета, которые имели свою символику: первый, после потопа, показав человеку радугу; второй – через обрезание Авраама; третий – через Моисея в законе; четвертый – через Евангелие Иисуса Христа.

Блаженный Феофилакт архиепископ Охридский (+1107) объяснял символику Евангелий несколько иначе, сообразно уже более позднему времени: четыре символа обозначают четыре верховные добродетели – мужество, мудрость, справедливость и целомудрие; также – догматы, заповеди, обетования и угрозы.

Были и чисто теософские рассуждения: символы наших евангелий обозначают четыре стихии – огонь, воду, воздух и вода (начала всех вещей). Святой Герман патриарх Константинопольский (+740) приводит еще один пример символики: Евангелие от Матфея сравнивается с мёдом, Марка – с вином, Луки – с молоком, Иоанна – с елеем. Считалось, что это самые желанные для человека продукты питания.

Евангелие от Матфея и его особенности.

В древности мы не видим сомнений в том, что первое наше евангелие написал именно Матфей. Сам Матфей до своего призвания носил имя Левий, был сыном Алфея. Он был одним из 12-ти апостолов Христа, бывший сборщик податей в окрестностях Галилейского озера, где и был призван Христом на свое служение. Имя Матфей (иуд. מַתְתַּי, греч. Ματθαῖος) означает «дар Божий», что было, видимо, признанием того, что с призванием на апостольское служение он удостоивается особой милости Бога, получает дар Божий. Из наших евангелий о Матфее больше ничего неизвестно. Согласно преданию, после вознесения Господня он проповедовал сначала в Палестине, затем – в Аравии, Персии, Парфии и Эфиопии. Мученически скончался около 70 года.

Святой Папий Иерапольский (+156-166, ученик Иоанна Богослова, жил и епископствовал во Фригии) писал: «Матфей записал слова Господни на еврейском языке, а переводил (толковал) их, кто как мог». Святой Иринея Лионский (+202, ученик Поликарпа Смирнского, родом из Азии, но епископом был в Галлии) писал: «Матфей издал у евреев на их собственном языке писания Евангелие в то время, когда Петр и Павел в Риме благовествовали и основывали церковь». Древняя церковь считала, что это Евангелие было написано первоначально для палестинских евреев на их родном арамейском языке.

Время написания Евангелия от Матфея определить трудно. В древности считали, что это Евангелие было написано первым из четырех принятых церковью каноническими. Указывали на 40-42 годы, а, иногда, даже на 37 год, то есть непосредственно после вознесения Господня. Большинство современных исследователей точную дату не указывают, но уточняют, что написано Евангелие до 70 года, года разрушения Иерусалима римлянами, о котором предсказывал Сам Христос. Евангелие от Матфея очень тонко относится к пророчествам и вряд ли автор не указал бы исполнение пророчества о разрушении Иерусалима, если бы писал уже после совершения этого события. Иерусалим на страницах Евангелия еще предстает не только «живым» городом, но даже святым («берет Его (Христа) диавол в *святой город* и поставляет Его на крыле храма», Матф.4.5; «выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во *святой град* и явились многим», Матф.27.53). Описывая события после предательства Иуды евангелист Матфей говорит о том, что первосвященники на деньги от предательства купили землю для захоронения безвестных странников, но участок этот все равно получил наименование по предательству Иуды – «земля крови». Добавляет при этом, что называется она таковой «до сего дня» (« посему и называется земля та *«землею крови» до сего дня*», Матф. 27.8). Очень сомнительно, что написано это могло быть после разрешения Иерусалима – город разрушен, иудеи рассеяны, найти этот участок практически невозможно. (Ср. также – «Они, взяв деньги, поступили, как научены были; и пронеслось слово сие между иудеями *до сего дня*», Матф.28.15).

Самая ранняя датировка написания Евангелия от Матфея может быть определена 45-48 годами, но более реальная – середина 50-х годов. Возможно Евангелие написано по решению самого апостола покинуть Палестину для проповеди в других странах – необходимо было показать иудеям, что Иисус из Назарета и есть Мессия, приход Которого и ожидали иудеи.

Само Евангелие начинается с родословной Иисуса Христа, что, конечно же, подчеркивает человеческую сторону Христа, «Сына Давидова, Сына Авраамова» (Матф.1.1).

Взгляд на все новозаветные события в Евангелии проводится с позиции Ветхого Завета – Иисус Христос является завершением Ветхого Завета. Матфеем около 50-ти раз прямо ссылается на Ветхий Завет, и около 75-ти ссылок на ветхозаветные события. Все цитаты Ветхого Завета приводит апостол по Септуагинте (переводу 70-ти толковников). Для сравнения – у Марка пять ссылок на Ветхий Завет, у Луки – 8, у Иоанна – 11. Такая опора на Ветхий Завет объясняется первоначальным предназначением Евангелия – оно явно писалось для иудейского читателя, для которого цитирование Ветхого Завета не простой звук, а доказательство истинности слов самого апостола.

Первое Евангелие в древности иногда называли «учительным» - Иисус Христос в этом Евангелии Сам много учит, а в конце Евангелия даёт повеление ученикам «идите и научите все народы» (Матф.28.19). Именно в этом Евангелии учение Христа сосредотачивается в знаменитой Нагорной проповеди (5-7 главы), а также – в наставлении ученикам (10 глава), в притчах о Царстве Небесном (13 глава), обличении книжникам и фарисеев (23 глава), беседе Христа на горе Елеонской (24-25 главы).

Вышеприведенные главы из Евангелия Матфея содержат и ещё одну особенность – Матфей группирует речи Христа и события, связанные со Христом в одни места, не разделяя слова Христа по времени их произнесения.

Отсюда вытекает и еще одна особенность этого Евангелия – у Матфея в большей степени выступает тематическая цель, чем хронологическая. Он специально собирает в одно место притчи, чудеса, обличения фарисеев.

Писатель сам выступает как свидетель описываемых событий – он дает подробности без указания источника, знает топографию Палестины. Это могло быть только при том, что писатель действительно один из самых близких ко Христу учеников, 12-ти апостолов. Конечно же, он может быть только иудеем, да и ещё из самой Палестины – кроме знаний топографии, он прекрасно знает иудейский закон и обычаи.

Хотя писатель первого Евангелия уделяет большое внимание ветхозаветной тематике в проповеди Христа, он включает и языческий элемент: в родословной Христа указаны не только иудеи, но и три язычницы – Фамарь (хананеянка), Роав (хананеянка) и Руфь (моавитянка). Вера язычников иногда предстает более высокой, чем вера иудеев: это, пришедшие волхвы с Востока (2.1-12), римский сотник (8.5-13, «в Израиле не

нашел *Я такой веры*»), женщина-сирофиникиянка, вера которой было столь велика (15.22-28, «о, женщина! *велика вера твоя*; да будет тебе по желанию твоему»).

Слог, стиль языка Евангелия довольно простой, порой единообразный (слово «тогда» встречается около 100 раз и не всегда указывает на связь во времени). Сохраняются гебраизмы (иудейские обороты речи), что говорит о простом и иудейском, а не греческом происхождении писателя.

Главная характерная черта богословия Евангелия от Матфея – это «исполнение». «Сбылось реченное Господом через пророка», - очень часто пишет евангелист Матфей. Матфей изображает Иисуса Христа как Преемника тех, через кого Бог в прошлом вёл свой народ: пророка, священника, судью, царя, мудреца, - причем Иисус, конечно, превосходит их. Иисус предстает как высшая точка развития истории ветхозаветного Израиля, и в особенности царского рода Давида.

Внимание эгзегетов обратилось также и к другой особенности этого Евангелия – изображению великой сцены суда (Матф.25. 31-46). Здесь Иисус изображен как царь, сидящий на престоле славы, окруженный ангелами и произносящий приговор народам. Иисусу приписывается абсолютная власть, что было предсказано еще пророком Даниилом («И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его - владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится», Дан.7.14).

Отличительной чертой Евангелия является также постоянный акцент на роли Иисуса Христа как Исполнителя обетований, данных Израилю. При этом Иисус определяет двоякое отношение к ветхозаветному закону. Матфей выбирает «золотую середину» между законничеством и антиномизмом (беззаконием). С одной стороны, Христос превозносит закон, а с другой, имеет право отменять его. Главным остается одно – Иисус есть исполнение закона. Власть закона как слова Божия, данного Израилю, рассматривается и толкуется в свете власти Того, Кто Сам может провозгласить «а Я говорю Вам, так как в Нем исполнилось всё» (Матф.5.18).

Евангелие от Матфея иногда называют «экклезиологическим». Это не значит, что Матфей описывает развитую структуру церкви, он просто подчеркивает, что результатом служения Христа было создание нового общества верующих, народа Мессии («и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее», 16.18 и 18.15-20). С пришествием в мир Иисуса начинается для Матфея новый век и теперь ничто не могло оставаться прежним.